

«Утешайте, утешайте народ Мой, говорит Бог вам. ... Возвещайте ему, что исполнилось время борьбы его, что за неправды его сделано удовлетворение, ибо он от руки Господней принял вдвое за все грехи свои».

(Ис. 40: 1-2)

«Народ - венец земного цвета
Краса и радость всем цветам:
Не миновать Господня лета
Благоприятного - и нам».

А. Блок.

ЖИВОЕ СЛОВО

Мои любимые цветы – ландыши.

В подмосковном лесу, где в мае еще прозрачно, голо и сыро и заутреня весны только еще началась, ландыши стоят как в святых зажженных свечах.

Когда срываешь первый весенний ландыш, свежий, невинный, с каплей росы в белой цветочной чашечке, испытываешь такое чувство, словно совершаешь кощунство. Но зато какое счастье погрузить лицо в их прохладный букет, дышать ими, касаться губами этих маленьких нежных живых жемчужин!

Однако и в букете ландыши остаются затворниками – каждый цветок своими длинными, плотными листьями, как стеной огражден от всех остальных: он как в келье.

Ландыши – цветы-девственники, цветико-иноки: в кельях своих высоких листьев прячут они ни с чем не сравнимую, словно неземную свежесть.

В запахе ландышей – пронзительном, сверкающем, прозрачном и холодном, как лед, есть что-то вызывающее. Это немолчный гимн чистоте посредности пробуждающейся, теплой и прелой, грешной весенней земли.

Розы пахнут сладко и душно, как женщина спростонья, васильки пахнут сухозноем, пылью дорог, у незабудок – потусторонний, кладбищенский запах...

Ландыши пахнут слезами.

***

Я замечала, что в обыденном течении жизненных обстоятельств бывает скрыта порой тайная символика, словно Бог говорит с нами на языке намеков, как с детьми говорят на языке игры. Он знает все наши сокровенные печали и радости, о которых мы думаем, что о них не знает никто, и читает душу каждого прямо с листа... Но о Себе Самом Он дает знать нам лишь косвенно и чаще всего через намеки чудес.

Тогда глаза души нашей широко раскрываются, и мы словно пробуждаемся от сна... – Простое совпаде-

ЛЮДМИЛА КОНСТАНТИНОВНА НОВИЦКАЯ

ЛАНДЫШИ

ние! – говорят нам в таком случае скептики.

Совпадение? Что ж, пожалуй.

Чудо – это действительно такое явление, когда на какое-то мгновение проходящее совпадает с вечным и небесное с земным.

***

Я помню: у меня в сердце жило тайное горе. У всякого человека иногда бывает такая сокровенная печаль, о которой он молчит из боязни, что его не поймут. Плакать уже перестала: горе это было давнее, привычное, оно сидело в сердце как зверь в клетке, и со временем я научилась его усмирять. Но в тот вечер кто-то раздражил его жестоким словом, и оно металось, когтило мне сердце, пытаясь вырваться наружу громким воплем.

Я изо всех сил сдерживала себя. Я уговаривала себя, как неразумного ребенка, и отвлекала свое внимание на сторонние предметы... Я ехала в вагоне метро. Был весенний вечер. Напротив меня сидела девочка лет семи, нежная, белокуренькая, с ясными голубыми глазами и держала в руках закрытый целлофановый кулечек с цветами. Голова девочки лежала на плече у матери, сидевшей рядом, и они сладко беседовали о чем-то в полголоса.

– Вот, смотри, какое милое дитя, – уговаривала я себя, – лицо доброе, кроткое... Кулечек свой держит так торжественно, как будто это крестильная свечка. Мать очень молодая, они как подруги. Вот будем глядеть на них, любоваться ими. А горе душило меня, подступало к горлу... И вдруг я заметила, что девочка смотрит на меня также пристально и ласково, как я на нее. Я улыбнулась ей. Она покраснела и улыбнулась в ответ, и вдруг что-то быстро зашептала матери на ухо, потом проворно раскрыла свой шуршащий целлофановый кулечек, вынула оттуда добрую половину цветов и протянула мне со словами:

– Возьмите. Это для вас! Я растерянно взяла цветы, растроганная, забыла поблагодарить, и только смотрела на них с восторгом... Это были ландыши. Мои любимые весенние ландыши! Если бы кто-ни-

будь, кто знал о моем тайном горе, захотел утешить меня, он не нашел бы лучшего способа.

– Я этого никогда не забуду, – сказала я девочке и поцеловала теплую, маленькую ручку. Кажется, я все-таки заплакала. Но слезы иссыкли быстро, как дождь при ярком солнце. На душе у меня рассветало...

– С нами Бог, – думала я, – иначе, почему я села в этот вагон, где ясноглазая девочка везла цветы, почему она отдала мне, незнакомой женщине, половину своего букета и почему в нем были именно ландыши?

***

Через мою жизнь ландыши проходят как сон, который постоянно повторяется. Бывают такие сны. Происходит ли это от моей склонности к этим цветам весны или здесь говорит язык символики Промысла, я не знаю. Но мне приходит на память еще одно воспоминание.

В храме Архангела Гавриила кончилась всенощная. Люди из церкви медленно выходят на улицу, где, несмотря на вечер, совсем светло. Я выхожу среди последних... Летний, теплый вечер с его бледными звездами на бесцветном небе прекрасен. Но мыслями я еще в храме. На душе у меня легко и весело. Со мной произошло сегодня доброе превращение. Я чувствую в душе и теле ту радостную крепость, горячую полноту сил, которые наполняют иногда все существо человека после длительной церковной молитвы, когда вместо усталости от неподвижного стояния в течение нескольких часов неожиданно ощущаешь в себе легкость, свежесть и окрыленность. А между тем я шла в храм больная. Я думала: достойно «Свете тихий», потом возьму святой воды, и сейчас же домой в постель... Но я пробыла в храме до отпуста, уходить мне не хотелось, а болезнь моя словно испарилась, как в сказке бывает с теми, кто изопьет живой воды. Дивны дела Твои, Господи.

***

– Вот говорят, – думаю я, – в здоровом теле здоровый дух. Но верно ли это? Нет. Есть люди, у которых от-

менно здоровое тело, а дух их болен: жестокостью, распутством, жадностью и мало ли еще чем. Они берут призы на спортивных соревнованиях, но своим ближним приносят зло и несчастье. И не обязательно вовсе, чтобы в больном человеке был болен и дух его. Святой Пимен всю жизнь был больным, но за свои духовные подвиги, за мощь и красоту христианского терпения удостоен был славы временной и вечной. Старец Амвросий Оптинский последнее время своей монашеской жизни почти постоянно был прикован к постели недугами, но творил чудеса и своими молитвами исцелял и спасал людей.

– Дух бодр, плоть же немощна, – сказал Спаситель и тем установил примат духа над плотью. Это одно из восхитительных откровений христианства.

Христианство не провозглашает поверхностных и искусственных закономерностей, оно заинтересовано в истине. Первенство духа перед плотью не голословная истина, она подтверждается всем опытом жизни святых и даже множества грешников. Но самое главное: «И в третий день воскресну!» – сказал Христос.

***

В таких мыслях продолжала я свой путь из храма. Я уже довольно далеко отошла от него, как вдруг услышала возле себя чей-то стон... Я остановилась и увидела: у стены дома, морщась от боли, стонет бледная, худая женщина и держится рукой за сердце... Это высокая изможденная старуха в жалком тряпичном платье, в стоптанных дешевых туфлях и вылинявшей косынке на рыжеватых волосах, но с лицом, сохранившем в тонких чертах своих следы былой милосердия. Она поднимает на меня карие выразительные глаза и смотрит доверчиво и умоляюще.

– Вызвать скорую помощь? – спрашиваю я. Она вздрагивает и рука ее, влажная и холодная, как клеща-

ми схватывает мою руку.

– Мне бы домой... – шепчет она с трудом, – с сердцем плохо... Но скорой не надо. В больницу положат, а у меня кошки, они пропадут без меня. Я живу недалеко... Через три квартала... Вон в том большом сером доме, его отсюда видно...

Я осторожно беру ее под руку и медленно веду к серому дому в самом конце улицы.

– В очереди... душно... тесно, – жалуется она, преодолевая отдышку, – Еще женщина ко мне придралась, говорит – «она не стояла!». А я стояла, я никогда без очереди... Ну, мне обидно стало, я расстроилась. А всего-то хотела купить луку зеленого на пять копеек. Так и не купила, ушла. И тут сердце...

– Вы не торопитесь.

– Я не тороплюсь. Да ведь вам, наверное, домой надо, я задерживаю... А то, может быть, зайдете ко мне? Я бы рада была...

– Спасибо. Зайду.

И вот мы идем длинным полутемным коридором большой коммунальной квартиры, где под потолком тускло горит электрическая лампочка в проволочном наморднике, вдоль стен стоят старые сундуки, ящики и корзины, и возле каждой двери – грязный половичок. Из кухни нас внимательно оглядывают угрюмые, молчаливые женщины. И, наконец, она открывает дверь своей комнаты – просторной, почти пустой и светлой. Тут же с громким мяуканьем бросаются к ней четыре серые страшно тощие кошки. Они поднимают вверх свои скуластые мордочки, развевая голодные розовые

рты.

– Нет ничего... ничего, – горестно говорит она им, и, откинув старое покрывало, со стоном взбирается на высокую кровать.

– Наконец-то лежу, – и она закрывает глаза.

Она лежит неподвижно. По лицу ее постепенно растекается странная мертвенная бледность, губы голубеют, и мне кажется, что она перестает дышать. Обморок?

Мгновенно все четыре кошки взбираются на кровать и ложатся на очереди... Ну, мне обидно стало, я расстроилась. А всего-то хотела купить луку зеленого на пять копеек. Так и не купила, ушла. И тут сердце...

– Да не умираю, не умираю еще, – говорит она им, открывая глаза и слабо улыбаясь, – они все боятся, что я умру.

И, передохнув, с трудом она продолжает: – Соседи ругают меня: самой есть нечего, а четырех кошек держит! Но я не могу их прогнать. Я всех их взяла котятками, кого с чердака, кого с помойки... Они ведь брошенные. И вы видите, как они меня любят? А сын родной... вот уже скоро пять лет ни одного письма не шлет. Лечик, долго ли до беды? Вот получаю пенсию сто тридцать рублей – разве можно жить? Я

ЖИВОЕ СЛОВО

голодаю. Ну ладно, Бог с ними, с деньгами: у него семья. Но письмо можно прислать? От чужих людей узнаю, что жив. Скрывается. Боится, чтобы алиментов с него не потребовали...

Она горько усмехается, и на глазах ее показываются слезы.

— Все здоровье по нем выпала... А кошечки ни по чем не прогонию. Как-нибудь переберемся. Бог не оставит, поможет...

Видно устав от разговора, она умолкает и, отвернувшись к стене, снова закрывает глаза. Кошки теперь лежат тихо, чтобы не нарушить ее покой, и только смотрят на меня так, словно хотят спросить: чем все это кончится?

— Ничего, обойдется, — шепчу я им и осторожно глажу косяковые спинки. А она засыпает.

В этой почти пустой комнате сейчас так тихо, что слышно, как у соседней мелодично вздыхают стенные часы. Стемнело, только светится большое окно, выходящее на бульвар, риза на иконе Богоматери да голодные глаза кошечки. Проходит, наверное, сполчаса. Она открывает глаза.

— Не уходите еще, сидите, — говорит она, пожимая мою руку, — я еще много чего интересного вам расскажу. Я сейчас чаек поставлю, мне полегало.

Мы посумерничали. Она рассказала мне свою жизнь, печальную, как почти всякая человеческая жизнь. Уходя, я попросила ее молиться об одном несчастном, который перенес унижительные годы заключения, освободился, но не вынес ужаса жизни и покончил с собой. Священник сказал, что спасению его души может помочь милость.

— Это вы много дадите, — говорит она, — но спасибо, спасибо... Да, в церкви поминать нельзя, а дома молиться можно. Я буду молиться. И вдруг, расстроганная, она обнимает меня и крепко прижимает к груди.

— А я что говорила? — радостно шепчет она, — Бог не оставит, поможет! И помог. Вот

ведь какая у нас с тобой встреча!

— Я тебе скажу, — доверительно продолжает она, — с этой моей болезнью мы совсем истощились. Раньше я шитьем немного прирабатывала. Кое-как жили. А теперь плохо, совсем плохо... Поверишь, я сегодня хотела на улице милостыню попросить, да что-то так стыдно стало, — рука не протянулась.

Когда, простившись, я уже шла к дверям, она вдруг окликнула меня веселым голосом:

— Послушай, стой! Я хочу тебе подарок сделать. Просто на память. Вещица не какая-нибудь драгоценная, но приятная, тебе понравится.

Я стала отказываться, но она трогательно уговаривала меня:

— Нет, я прошу тебя, ты возьми. Может быть, я скоро умру, а ты когда-нибудь помотришь на мой подарок и вспомнишь — жила такая одна знакомая хорошая старушка.

Она подошла к комоду и стала рыться в ящиках, где почему-то было много бумаги, но очень мало вещей.

— Вот, — сказала она, наконец, — нашла.

Она зажгла электрический свет, и в ее пальцах вспыхнули и заискрились четыре крохотные граненые хрусталика, хрусталики эти изображали чашечки цветов и висели на металлической пластинке, дрожа и переливаясь... Хрусталики были ландышами. Это была старинная брошка в виде веточки ландышей.

— Что же ты молчишь? — спросила она, — не нравится?

— Нравится. Но какое странное совпадение, — сказала я, — ландыши как раз мои любимые цветы.

Она довольно улыбнулась и стала прикалывать брошку к вороту моего платья.

— Вот и носи на здоровье, — сказала она. Брошка была простая, даже не серебряная, а медная, но изящная и тщательной ювелирной отделки. Но если бы даже она была бриллиантовая, носить ее я все равно бы не стала. Она была дорога мне иначе... На моей иконе Спасителя немного отстал от серебряной ризы венчик — и я прикрепила его этой серебряной брошкой. Она и сейчас там.

***

Мой отец был смертельно болен. Врачи установили у него инфаркт миокарда, а он был уже стариком. Началась отчаянная борьба за его жизнь, напряженные

и тревожные дни и ночи. Я очень любила отца, хотя в самом главном, духовном, у нас не было понимания и близости:

отец называл себя атеистом и не одобрял моей религиозности.

Врачи поручили мне уход за больным, так как мама слишком нервничала. Я переехала на время к родителям. Ночами я почти совсем не спала. Я боялась, что отцу ночью может стать плохо, и я, уснув, не услышу из другой комнаты его слабого зова. Я лежала и все время прислушивалась. Это раздражало мать, и она, конечно, тревожилась за мое здоровье. Поэтому, когда приехала навестить отца его родная сестра и осталась с ним, меня на ночь стали отсылать домой, чтобы я могла отсыпаться. Тогда-то и случилось то, чего я боялась. Однажды я проснулась среди ночи оттого, что отчетливо услышала голос отца, который звал меня по имени и говорил следующие слова: «Мне плохо... Помогите... надо что-то сделать». Я так встревожилась, что тут же стала одеваться, чтобы бежать к своим, но потом опомнилась и подумала, что разбудить всех среди ночи, испугать отца, покой которого мы так оберегаем, — было бы и нелепо и преступно... Но что же делать? У меня было только одно средство: я упала на колени перед иконами и стала молить Бога о помощи моему отцу, немедленной, спасительной помощи... Я молилась с такой же силой, с какой жаждала этой помощи для него... Остается только сказать, что когда я пришла утром к своим, отец рассказал мне, что среди ночи ему стало плохо с сердцем, — «я думал, что умираю» — и он звал мать, сестру, звал долго и настолько громко, насколько позволяли его угасавшие силы, но они спали и не слышали... Как мучительна должна была быть эта ночь для него! И как опасна в его состоянии... Но все обошлось, по милости Божией. Утомившись, он неожиданно стал засыпать.

Итак, меня отсылали на ночь домой, и в этом была также и хорошая сторона, потому что я могла молиться. У меня тогда висела одна только икона Божией Матери Страстная, где Владычица изображена одетой во все черное, как монахиня. Перед ней я и молилась обычно...

За отца служились молебны в церквях, раздавались милостыни, но душа моя все же не была покойна... Мысль о том, что он

может умереть, не примирившись с Богом, доставляла мне постоянные страдания. И вот однажды, не выдержав болезненного душевного напряжения, я повернулась перед Страстной Божией Матерью и с сильным плачем стала просить ее:

— Мать Божия, скалься над душой отца моего... Он стоит на пороге вечности, но в нее не верит. Что же будет, когда он узнает ее, когда ему откроется все... Встретиться лицом к Лицу с Богом, Которого отвергал, Которого оскорбил! Об этом так страшно думать. Какое горе, какая непоправимость! Пока не поздно, помоги ему. Ты можешь все... Сделай что-нибудь, чтобы он поверил... Я не знаю что. Ну, хоть приснишь ему во сне!

Наплакавшись, я уснула. Наутро я побежала к своим, а там совсем забыла о вчерашней молитве, потому что по уходу за отцом дел было много и всем хватало работы — и мне, и матери, и тетке. Нужно было обеспечить больному особое и разнообразное питание, которое он должен был принимать в определенные часы, лекарственные и гигиенические процедуры и неутомительные развлечения, когда он уже начал поправляться к концу четвертого месяца... Врачи приходили каждый день и требовали отчета о выполнении их предписаний.

Но в это утро я заметила, что отец как-то особенно тих и задумчив. Когда я вошла в его комнату, он лежал, глядя перед собой неподвижным отсутствующим взглядом, словно вспоминая что-то важное или пытаясь разгадать неразрешимое. Я осторожно присела на край его тахты и взяла его руку.

— Как тебе? — спросила я.

Надо сказать, что болезнь отца нас очень сблизила. Он был мягок и кроток со всеми, но не откровенен. Со мною он был откровенен. Он рассказал мне, например, как к нему приходила смерть... постояла, подождала чего-то — и ушла. Никому об этом, кроме меня, он не рассказывал. Сейчас на мой вопрос он почему-то молчал. Это начинало меня тревожить. И вдруг, ошутимо преодолевая внутреннее волнение, отец сказал раздельно:

— Какой странный сон я видел сегодня ночью.

— Какой же? Расскажи.

— Будто бы это на даче у нас... Но почему-то на твоем участке, где твой маленький садик, стол и скамейка.

Какая-то женщина в саду, хотя калитка заперта, и я помню, что сам ее запираю. Женщина эта вся в черном и в руках у нее корзина, полная ландышей. Я закричал: что вы здесь делаете? Кто вы такая? Как вы попали сюда, ведь калитка на запоре! А она так тихо ответила мне:

— Я собираю здесь ландыши.

Еще когда отец произнес слова «женщина эта вся в черном», — я все поняла! И задумчивый взгляд отца, и кроткий ответ Посетительницы, — все подсказало мне — Божия Мать исполнила мою просьбу. Она приснилась отцу!

— И что же, папа, что же было дальше?

— А я закричал: «Уходите отсюда!», — и вырвал у нее корзинку из рук, и цветы рассыпал.

Он сказал это дрогнувшим голосом, и в глазах его появилось виноватое и недоуменное выражение... словно он сам не мог понять — почему и зачем он так поступил? — словно он горько раскаивался в этом в своем сердце... Он знал, какая Гостья посетила его, Кто пришел к нему через запертую калитку. Он — догадался. Я видела это по его глазам. Ведь Она не была ему чужая... В детстве он молился Ей и любил Ее.

— Значит, ты сказал Ей: «Уходите». А что же Она?

— А Она не ответила мне ничего, повернулась и тихо ушла.

Мы замолчали. Слезы сдавили мне горло. Я чувствовала, что и отец глубоко потрясен и как-то робко ждет моего ответа...

— Ну вот, папочка, дорогой мой, если Гостья эта, — и я посмотрела на отца долгим взглядом, — еще когда-нибудь посетит тебя, ты больше Ее не гони. И, чтобы не расплакаться, я вышла из комнаты, плотно притворив за собой дверь. Я знала: отцу надо остаться одному, чтобы думать, вспоминать, а может быть, даже — глубока душа человеческая! — и молиться, впервые за много лет... Хотя он и «рассыпал Ее цветы», но встреча эта не прошла для него даром. Он, насколько я помню, больше никогда не позволял себе прямого богохульства. Может быть, с этого дня и произошел в нем глубоко скрытый внутренний надлом в его поверхностном, пресловутом атеизме — но

об этом не здесь. А ландыши? А ландыши действительно росли на моем участке в моем «маленьком садике». Я выкопала в лесу несколько этих цветов и пересадила их под молоту вишню. Переболев, ландыши мои, наконец, расцвели.

***

Я заканчиваю свои короткие отрывочные записки.

Когда Христос воскрес, Он, как говорит Предание, ходил по земле и искал людей, которые бы поняли вечный смысл Святого события и радовались бы Ему. И Он не находил таких людей. Все были заняты своими земными делами, своими житейскими заботами. Многие успели забыть, а иные даже не верили в Его воскресение... Глубокая скорбь сжимала сердце Спасителя. Он распинался для людей и терпел смертные муки, но они не сострадали Ему, Он воскрес для людей, но они не возрадовались Ему! И голова Христа опускалась долгу, и из Его кротких очей стали падать одна за другой — слезы. Земля с благоговением и любовью впитывала их, и там тотчас же вырастали цветы... Они были чисты, нежны и благоуханны. С тонких и гибких стебельков они свисали, как грустные капли непролившихся слез. Это были ландыши. Люди находили их в траве по дивному аромату и говорили: пришла весна! И благословляли ее, и радовались ей, не подозревая о том, что она была лишь слабым подобием весны иной — нетленной и вечной весны Воскресения.

